

А.А. Мухина (Москва, Россия)

**Зоя Космодемьянская – Груня Фридрих – Христина Орлецова:
трансформация советского мифа в драме и романе Бориса Пастернака**

Аннотация: Статья посвящена трансформации советского мифа о Зое Космодемьянской в драме «Этот свет» (1942) и романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака. В пьесе история подвига Зои «передана» невесте Иннокентия Дудорова Груне Фридрих – «девушке из казаков», в романе – Христине Орлецовой. В концепции драмы и романа Б.Л. Пастернака Зоя – Груня – Христина становятся искупительницами не столько мнимого родового греха, сколько всей подлинной греховности предвоенных советских лет. Так, отталкиваясь от творимого на его глазах советского мифа, Пастернак возводит судьбу героинь к христианскому житийному канону, разным образом трансформируемому в культуре разных эпох.

Ключевые слова: Зоя Космодемьянская, Груня Фридрих, Христина Орлецова, Иннокентий Дудоров, советская мифология

A.A. Mukhina (Moscow, Russia)

**Zoya Kosmodemyanskaya – Grunja Friedrich – Christina Orletsova:
transformation of the Soviet myth
in the drama and in the novel of Boris Pasternak**

Abstract: The article is devoted to the transformation of the Soviet myth about Zoya Kosmodemyanskaya in the drama ‘This light’ (1942) and in the novel ‘Doctor Zhivago’ by Boris Pasternak. In the drama the story of Zoya’s feat is transferred to Innokentiy’s Dudorov bride Grunja Friedrich “cossack girl”, in the novel – to Christina Orletsova.

In the concept of drama and novel by Boris Pasternak Zoya – Grunja – Christina become redeemers not so much of imaginary tribal sin but of all the true sinfulness of the prewar Soviet years. Thus, starting from the Soviet myth, Pasternak raises the heroines’ fate to the Christian life canon, differently transformed in the culture of different eras.

Key words: Zoya Kosmodemyanskaya, Grunja Friedrich, Christina Orletsova, Innokentiy Dudorov, Soviet mythology

В бумагах Б.Л. Пастернака сохранился очерк Петра Лидова «Ганя», опубликованный в газете «Правда» 27 января 1942 г.¹ В нем впервые рассказывалось о

¹ *Быков Д.Л.* Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 605–606.

судьбе Зои Космодемьянской, которой заинтересовался Пастернак: линия героической партизанки появляется в его пьесе «Этот свет» уже в Чистополе, в 1942 г., т. е. еще до того, как в конце лета 1943 г. он побывал на фронте в расположении Третьей армии, освободившей Орел, и собирал материалы о жизни и смерти Зои Космодемьянской¹. Ряд воспоминаний свидетельствует о том, что Пастернак хотел написать «пьесу о Зое Космодемьянской, о школьнице, о войне»². Однако можно предположить, что не все детали судьбы Космодемьянской были известны Пастернаку: в источниках военных лет, разумеется, не говорилось ни о ее происхождении (дед был священником, погибшим в первые годы советской власти), ни о мытарствах семьи, которая была вынуждена, спасаясь от ареста по доносу, бежать в Сибирь, но позже вернулась в Москву³. Не упоминается об этом ни в «невыдуманной поэме» М.И. Алигер «Зоя» (в предисловии говорится о том, что «она писалась по горячему следу короткой жизни и героической смерти Зои»⁴), ни в написанной позже матерью Зои «Повести о Зое и Шуре». С этими двумя произведениями, а также с целым рядом других текстов о Зое Космодемьянской отчасти корреспондирует пастернаковская история Груни Фридрих, позже – Христины Орлецово́й.

Впервые история подвига Зои отражается в незавершенной пьесе «Этот свет» (1942), замысел которой был одной из ступеней к роману «Доктор Живаго». Первым подступом к драматическому замыслу можно считать стихотворение «Старый парк» (1941), герой которого, раненый рядовой или офицер, попав в госпиталь и оглядевшись по сторонам, понимает, что госпиталь – его бывшая родовая усадьба. Он вспоминает себя в детстве, размышляет об истории своего рода и своем будущем:

Сам же он напишет пьесу,
Вдохновенную войной⁵, –
Под немолчный ропот леса,
Лежа, думает больной.
Там он жизни небывалой
Невообразимый ход
Языком провинциала
В строй и ясность приведет.
(1941; II, 123)

В черновом варианте этого текста, подаренном Б.Л. Пастернаком А.К. Гладкову, была еще и такая строфа:

Вся его мечта в театре.
Он с женою и детьми
Тайно года на два, на три
Сгинет где-нибудь в *Перми*...
(II, 418)

Отметим, что именно Пермь станет прообразом Юрятина в «Докторе Живаго»; там герой с женой и сыном, а затем с Ларой и ее дочерью мечтает затеряться,

¹ Борисов В.М. Река, распахнутая настезь. К творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» М.: Книжная палата, 1989: www.infoliolib.info/philol/borisov/borisov.html (дата обращения: 12.05.2017).

² Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. Т. 5. М.: Слово, 2005. С. 623. Далее том и страница указываются в скобках по этому изданию римскими и арабскими цифрами соответственно.

³ Успенский В.Д. Зоя Космодемьянская. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 14.

⁴ Алигер М.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Лениздат, 1948. С. 5.

⁵ Здесь и далее курсив наш. – А.М.

незаметно согнуть до тех пор, пока хоть в какой-то мере восстановится пошатнувшийся порядок жизни. Попытка эта в романе отнесена не к Великой Отечественной, а к гражданской войне, и тем не менее такая переключка представляется неслучайной. В марте 1942 г. Б.Л. Пастернак в письме к своей бывшей жене Е.В. Пастернак пишет о замысле пьесы уже от первого лица: «Мне хочется написать пьесу и повесть, поэму в стихах и мелкие стихотворения. Это настроение, может быть, предсмертное, последнего года и последних довоенных месяцев, которое еще ярче разгорелось в войну» (IX, 269).

Замысел драмы «Этот свет» связан с топосом и традицией русской усадьбы, что для середины XX в., конечно же, очевидный анахронизм (а для советской драматургии ситуация, кажется, уникальная). В старой усадьбе славянофила¹ встречаются «люди сороковых годов» XX в. Они размышляют о России и русском, о том, как их всколыхнула война и как она *очистила* воздух. Сравним с финальными строками «Доктора Живаго»: «...Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно *предвестие свободы носилось в воздухе* все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание...» (IV, 514). О свободе при создании пьесы говорит и сам Б.Л. Пастернак: «Я ее пишу свободно, как стихи, и совершенно для себя, современную реалистическую пьесу в прозе» (письмо П.И. Чагину от 14 июня 1942 г.; V, 570). Вероятно, в этом высказывании Б.Л. Пастернак цитирует (сознательно или невольно) знаменитую формулу другого драматурга, А.С. Грибоедова, из письма П.А. Катенину от первой половины января – 14 февраля 1825 г.: «Я как живу, так и пишу: свободно и свободно»². На постановку пьесы «Этот свет» 20 февраля 1942 г. был заключен договор с новосибирским драматическим театром «Красный факел» (срок сдачи – июль 1942). Позже Пастернак понял, что вещь не предназначена для печати и постановки. Героиня пьесы, Груня Фридрих, по воспоминаниям Т.В. Ивановой, повторяла подвиг Зои Космодемьянской (V, 571).

Имена героев пьесы «Этот свет» – Иннокентий Дудоров и Михаил Гордон – позволяют соотнести ее с финальными сценами будущего романа, страшный рассказ молодой портнихи Друзякиной впоследствии почти дословно перенесен в роман и воспроизведен от лица Таньки Безочередевой – дочери Юрия и Лары. Намеченный в сохранившихся картинах сюжет отношений Дудорова и Груни Фридрих можно счесть предварительной вариацией описанных в романе отношений Дудорова и Христины Орлецово́й. Не менее значим в пьесе и образ Иннокентия Дудорова. Его монологи, как отмечает Д.Л. Быков, «принадлежат к мощнейшим страницам пастернаковской прозы»³, они «почти дневниковы по обнаженной откровенности»⁴. Первый произносится в четвертой картине – на картофельном поле, где жители оставляемого города копают картошку осенью сорок первого: «Внимание, товарищи. Представители власти и армии покинули город. Я не хочу напускать на себя простецкость. Я не “свой в доску”, я буду говорить так, как привык. Товарищи, перегородки рухнули. Нам никто не заслоняет правды, опасности, права на счастье, мы лицом к лицу с близкою, может быть, смертью. Поздравляю вас с нашей крайностью, товарищи. Нам за эти считанные мгновенья надо

¹ Поливанов К.М. «Правнук русских героинь». Дмитрий Самарин в судьбе и творчестве Бориса Пастернака // Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 43–61.

² Грибоедов А.С. Соч. М., 1988. С. 509.

³ Быков Д.Л. Борис Пастернак. С. 606.

⁴ Там же.

из долгого ребячества вырасти до нашего истинного возраста. Повторяю, мы в пределах только что начавшегося безвластия» (V, 116). Важно, что организатором подполья в обреченном городе становится у Пастернака не коммунист, а старый интеллигент (позже подобную «идеологическую ошибку», по советским меркам, совершит А.А. Фадеев, когда в первой редакции «Молодой гвардии» подполье организуют только комсомольцы – без участия коммунистов).

Дудоров переживает в эти роковые дни свою последнюю любовь и, осмысляя происходящее, ищет поддержку у Шекспира: «Как это в “Гамлете”? Один я наконец-то. Вот оно, вот оно. Ожиданье всей жизни. И вот оно наступило. Странно. Почему меня сегодня всё земля занимает? Последняя, последняя трава. Лопушок, подорожник. Последняя помертвевшая, перламутровая в каплях талых снежинок. Не сегодня завтра она уйдет под снег. И я, и я. В этом году и я. Бедная, бедная моя Оленька, бедные мои дети. Я вас больше никогда не увижу. Господи, Господи, зачем мне так нравится твой порядок. Господи, ты порвешь мне сердце безбрежностью его вмещенья! Благодарю тебя, Господи, что ты сделал меня человеком и научил прощаться. Прощай, моя жизнь, прощай, мое недавнее, мое вчерашнее, мое дурацкое обидное двадцатилетие» (V, 117).

Цитата из «Гамлета» соединяется с размышлениями о «лопушке» и «подснежнике». Свою смерть он обдумывает в тех же категориях, что и уход под землю «последней, последней травы». «Дурацкое, обидное двадцатилетие» (видимо, послереволюционные годы, прожитые в постоянном страхе и компромиссах) соседствует в его мыслях с благодарностью Богу за его «порядок» (V, 117). Эти строки непосредственно предшествуют прощанию с жизнью и в «Августе», и «В больнице».

В пьесе подвиг, аналогичный подвигу Зои, должна была совершить Груня Фридрих, в которую влюблен старый интеллигент Иннокентий Дудоров. Груня Фридрих говорит о себе, что она беспартийная немка, не гитлеровка. Позже она признается, что пошутила и на самом деле она «всего-навсего дочь дворника» (в «Докторе Живаго» похожий сюжет будет связан с Мариной – гражданской женой Юрия Живаго, дочерью дворника Маркела).

Дудоров сразу понимает, что Груня Фридрих не немка, она не понимает немецкую речь, когда Дудоров задает ей вопрос «Sind Sie Wolgadeutsch? Вы немка Поволжья?» (V, 623). Позже Груня так говорит о своем происхождении: «Говорят, мы из палихинских крестьян» (V, 623). На вопрос, почему у нее немецкая фамилия, Груня отвечает: «Какая-нибудь барская блажь... отец говорит... будто дедушкин дедушка был из казаков... Казаки записывались по именам занимаемых городов или домов, в которых квартировали, и старались, как бы позаграничней и почудней» (V, 623).

Более того, в сочетании имени и фамилии Груня Фридрих есть определенный парадокс: если девушка из казаков вполне могла носить имя Груня (Аграфена, Агриппина), то немецкая фамилия Фридрих нуждается в дополнительном объяснении. Фамилия восходит к нем. *Friedrich* от прагерм. *fridu* ‘мир, защита’ + *rich* – ‘могущественный; князь’. Груня Фридрих – «непорочная», «отчаянная», готовая на подвиг, именно в этих качествах состоит ее могущество, своими усилиями она пробует показать истинный путь веры. Нужно отметить, что Пастернак переводил Фридриха фон Хандерберга (немецкого поэта-романтика, представителя йенской школы), Фридриха Гёльдерлина, «Марию Стюарт» Фридриха Шиллера. Вероятно, значимое для Пастернака мужское имя становится фамилией героини. Омри Ронен предположил, что Груня Фридрих выдает себя за русскую крестьянку, предкам которой помещик дал такую фамилию, на самом деле она русская немка.

Также он отмечает, что, возможно, Пастернак дал своей героине фамилию Хедвиги Фридрих, финансировавшей до 1914 г. издательство «Мусагет»¹. Мотивация подвига Груни Фридрих в пьесе остается неясной.

Работа над пьесой не была завершена, переписанные картины пролога и первого действия Пастернак не считал окончательной редакцией и просил не перепечатывать, надеясь вернуться к ее замыслу. Но, по всей вероятности, замысел пьесы как бы «растворился» в романе и поздних стихах. В романе невестой Дудорова станет дочь репрессированного священника-тихоновца Вонифатия Орлецова, что будет важно для объяснения ее героического поступка. Возможно, трансформация Груни – Христины произойдет именно под влиянием собранных Б.Л. Пастернаком в 1953 г. материалов. Деда Зои Космодемьянской, священника, убили в 1918 г. По воспоминаниям старожилов, в ночь на 27 августа 1918 г. он был схвачен большевиками и после жестоких истязаний утоплен в Сосулинском пруду. Труп его был обнаружен лишь весной 1919 г. и похоронен рядом с закрытой к тому времени церковью. Подвергался преследованиям в 1920–1930-х гг. и отец Зои, бывший семинарист. Сама фамилия происходит, как большинство священнических фамилий, от названия прихода – святых Космы и Дамиана².

В романе невесту Дудорова зовут иначе – Христина Орлецова, и истории ее подвига предшествует подробная предыстория: ее отец – священник, отбывающий тюремное наказание вместе с Иннокентием Дудоровым. Важной здесь оказывается фигура самого Дудорова. Вспомним, что Пастернак в январе 1947 г. подписал договор с «Новым миром» на публикацию романа под названием «Иннокентий Дудоров (Мальчики и девочки)» (IV, 567). Отец Иннокентия, террорист Дементий Дудоров, отбывал наказание на каторге, которой, по высочайшему помилованию, ему был заменена смертная казнь через повешение. Его мать, из грузинских княжон Эристовых, взбалмошная и еще молодая красавица, вечно чем-нибудь увлекалась. Мальчику было опасно носить страшное отцовское имя, и ему хотели дать фамилию матери. «Он был странный мальчик. В состоянии возбуждения он громко разговаривал с собой. Он подражал матери в склонности к высоким материям и парадоксам» (IV, 20). Позже о нем думает Лара: «...он прямой, гордый и неразговорчивый, но он был похож на Лару и не был ей интересен. Когда юношей его исключили из гимназии за участие в подготовке политического побега, он некоторое время скитался по разным художественным училищам, но, в конце концов, его прибило к классическому берегу» (IV, 175). Жизненный путь Дудорова не линеен: «С запозданием против товарищей Дудоров в годы войны кончил университет и был оставлен по двум кафедрам, русской и всеобщей истории. По первой он писал что-то о земельной политике Ивана Грозного, а по второй – исследование о Сен-Жюсте» (IV, 478). Позже он и Гордон вошли в профессорские круги. Дудоров вспоминал о Христине, «что уже бывши девочкой он обратил на нее внимание, как она попала в число его слушательниц» (IV, 504). О ней же в рукописи вычеркнут текст: «...девочка, по словам Дудорова, была чудо-ребенком, какой-то будущей, горевшей мечтою о подвиге, исторической героиней. Она без ума любила родителей. Может быть, детвора и смеялась над ней, дразнила “поповной”» (IV, 733).

¹ *Ронен Омри*. «Это»: вокруг неоконченной драмы Б. Пастернака «Этот свет» // Звезда. 2009. № 4: magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/ro21.html (дата обращения: 17.09.2018; доступ: открытый).

² Крестный путь сельского священника Петра Космодемьянского // Божий мир. 2001. № 1.

В эпилоге Дудоров вспоминает, что летом 1941 г. они с Христиной дали друг другу слово пожениться после войны. Пережить смерть Христины ему помогает, по его словам, «свет самопожертвования, которым озарен и ее конец, и жизнь каждого из нас» (IV, 504). Напряженными усилиями, основанными на подавлении естественного чувства (любви к отцу, а затем к Дудорову), Христина преодолевает «изъяны» своего происхождения, которое в советских условиях представляется ей греховным: «Слова “служитель культа”, “лишенец” казались ей пятном бесчестия. Это пятно она, может быть, поклялась смыть когда-нибудь с доброго родительского имени в своем горячем детском сердце. Так далеко и рано поставленная себе цель, пламеневшая в ней неугасимым решением, делала ее уже и сейчас по-детски увлеченной последовательницей всего, что ей казалось наиболее неопровержимым в коммунизме» (IV, 479). Христина Орлецова сначала проходит «военное обучение», «парашютную тренировку». Затем она «чудом храбрости и находчивости проникла в немецкое расположение, взорвала конюшню, живую была схвачена и повешена» (IV, 479). Это непосредственно связано с подвигом Зои: от крестьянки Прасковьи Кулик стало известно, что Зое удалось уничтожить немецкую конюшню, находившуюся рядом – во дворе одного из сожженных домов, причем погибли 20 лошадей¹.

Стремление Христины отождествить себя с господствующими идеологическими веяниями эпохи делает ее, по мысли Пастернака, не просто героиней советского мифа как ее прототипа, но своего рода мученицей за веру. Значимым в это смысле оказывается и имя героини романа. Христина и Вонифатий – мученические имена в христианской традиции, тогда как фамилия – Орлецова – может быть прочитана как напоминание об Орлеанской деве Жанне д'Арк, с которой неоднократно сравнивали Зою Космодемьянскую в советской прессе. Важным оказывается и мотив непорочности (в романе подчеркнуто, что Христина не Дудорова, а Орлецова), и известное Дудорову по слухам ее причисление церковью к лику святых, о чем он говорит Дудорову.

В концепции романа Б.Л. Пастернака Христина Орлецова становится искупительницей не столько *мнимого* родового греха (происхождение из семьи священнослужителя), сколько всей подлинной *греховности* предвоенных советских лет. «Извлеченная из бедствий закалка характеров, героизм, готовность к крупному, отчаянному, небывалому» (IV, 504), о которых говорят Гордон и Дудоров в романе, представляются Пастернаку не порождением советской идеологии, а родовым свойством героинь такого типа «со сказочными, ошеломляющими качествами» [там же]. Вспомним, как Груня Фридрих («черт», как называет ее Дудоров) из жалости приводит отставшего немца к ним и спрашивает у Дудорова: «Что с ним делать?» (V, 119).

Сходная, как нам кажется, концепция спасения не только от фашизма, но и от бед и катастрофических заблуждений двух предвоенных десятилетий возникнет и у Ахматовой в военных строфах «Поэмы без героя»:

И себе же самой навстречу,
Непреклонно, в грозную сечу,
Как из зеркала наяву,
Ураганом – с Урала, Алтая,
Долгу верная, молодая,
Шла Россия – спасти Москву².

¹ Успенский В.Д. Зоя Космодемьянская. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 114.

² Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Поэмы. PRO DOMO MEA. Театр. М.: Эллис Лак, 1998. С. 159.

Самопожертвование нового поколения должно стать спасительным для страны, что позже мы увидим в финале «Доктора Живаго». «Выросли новые мальчики и девочки. Выросли для того, чтобы героически погибнуть, как возлюбленная Дудорова, ставшая партизанкой Христина Орлецова. Или для того, чтобы, потеряв родителей и уютную участь, чудом храня осколки воспоминаний, отдающих зловещей сказкой, но верных в самой сути, получив унижительно уличное прозвание (и принимая его жуть как данность), быть таинственно хранимыми судьбой – как Танька Безочередова, в которой Гордон и Дудоров (а прежде – странный покровитель доктора, его сводный “темный” брат Евграф Живаго) узнают дочь Юрия и Лары. Выросли мальчики и девочки, отступило темное колдовство, пришла свобода, а значит: “Смерти не будет” (еще одно предварительное название романа о докторе Живаго, о врачующей жизни)»¹.

Свойственная новым «мальчикам и девочкам» готовность к самопожертвованию оказывается, по Пастернаку, связанной не с советской идеологией, а с христианскими корнями и верой в возможность искупления подлинной греховности предвоенных лет. Так, отталкиваясь от очередного творимого на его глазах советского мифа, Пастернак возводит судьбу *Зои – Груни – Христины* к христианскому житийному канону, по-разному трансформируемому в культуре разных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

Алигер М.И. Стихотворения и поэмы Л.: Лениздат, 1948. 80 с.

Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Поэмы. PRO DOMO MEA. Театр. М.: Эллис Лак, 1998. 768 с.

Борисов В.М. Река, распахнутая настезь. К творческой истории романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго». М.: Книжная палата, 1989: www.infoliolib.info/philol/borisov/borisov.html (дата обращения: 12.05.2017).

Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2005. 893 с.

Грибоедов А.С. Соч. М.: 1988. 751 с.

Крестный путь сельского священника Петра Космодемьянского // Божий мир. 2001. № 1: mir.voskres.ru/mirbo07/a22.html (дата обращения: 15.07.2019).

Немзер А.С. При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. 896 с.

Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М.: Слово, 2005.

Поливанов К.М. «Правнук русских героинь». Дмитрий Самарин в судьбе и творчестве Бориса Пастернака // Пастернак и современники. Биография. Диалоги. Параллели. Прочтения. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 43–61.

Ронен Омри. «Это»: вокруг неоконченной драмы Б. Пастернака «Этот свет» // Звезда. 2009. № 4: magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/ro21.html (дата обращения: 12.05.2019; доступ: открытый).

Успенский В.Д. Зоя Космодемьянская. М.: Молодая гвардия, 1989. 235 с.

REFERENCES

Aliger M.I. (1948) Verses and Poems. Leningrad. Lenizdat Publ. 80 p.

Akhmatova A.A. Collected Works: In 6 Vols. Vol. 3. Poems. PRO DOMO MEA. Theater. Moscow. Ellis Luck Publ. 1998. 768 p.

¹ *Немзер А.С.* При свете Жуковского: Очерки истории русской литературы. М.: Время, 2013. С. 787.

Borisov V.M. The River is Wide Open. To the Creative History of Boris Pasternak's Novel "Doctor Zhivago". Moscow. Knizhnaya Palata Publ. 1989: www.infoliolib.info/philol/borisov/borisov.html (date accessed: 12.05. 2017).

Bykov D.L. (2005) Boris Pasternak. Moscow. Molodaya Gvardia Publ. 2005. 893 p.

Griboedov A.S. (1988) Works. Moscow. 751 p.

The Way of the Cross of the Village Priest Peter Kosmodemyansky. Bozhy Mir. 2001. No 1: mir.voskres.ru/mirbo07/a22.html (date accessed: 12.05.2017).

Nemzer A.S. (2013) In the Light of Zhukovsky: Essays on the History of Russian Literature. Moscow. Vremya Publ. 896 p.

Pasternak B.L. The Collected Works with applications: In 11 vols. Moscow. Slovo Publ. 2005.

Polivanov K.M. "Great-grandson of Russian Heroines". Dmitry Samarin in the Fate and Work of Boris Pasternak. In: Pasternak and Contemporaries. Moscow. The Higher School of Economics Publishing House. 2006, pp. 43–61.

Ronen Omri. "This": Around B. Pasternak's Unfinished drama "This Light". *Zvezda*. 2009. No 4: magazines.russ.ru/zvezda/2004/9/ro21.html (date accessed: 12.05.2019).

Uspensky V.D. (1989) Zoya Kosmodemyanskaya. Moscow. Molodaya Gvardia Publ. 235 p.

Сведения об авторе:

Анна Анатольевна Мухина,
студент
факультет гуманитарных наук
Школа филологии
НИУ ВШЭ

Anna A. Mukhina,
Student
Faculty of the Humanities
Philology
National Research University Higher School
of Economics

anyam.97@mail.ru